

— Кузен, — сказала Тан Ин, подойдя с соседней лодки семьи Тан и заодно приведя Чжун Ханя, — мама велела, если ты вернёшься, передать, чтобы ты зашёл к третьему дяде. Там и отец с матерью, и младший дядя, должно быть, тоже пришёл.

Услышав, что и четвёртый дядя там, Чжун Мин примерно догадался, в чём дело. Он поставил на землю коромысло, снял с головы плетёную шляпу из ротанга и обмахнулся.

— Давно они туда ушли? — спросил он.

— Уже примерно час, — отозвалась Тан Ин.

— Понял, скоро подойду.

Когда Тан Ин вернулась на свою лодку, Чжун Мин наклонился и вошёл в каюту. Су И уже был там: он опередил мужа, успел взять чайник и налить две чашки, одну из которых подал ему.

Вода, вскипячённая утром перед уходом, уже остыла — самое то, чтобы утолить жажду. Оба, не тратя слов, сперва осушили по большой чашке, а затем, не дожидаясь просьбы, Су И налил вторую. На этот раз пили уже без спешки, держа чашу в ладонях.

— Я схожу к третьему дяде, — сказал Чжун Мин, осушив вторую чашу и с облегчением выдохнув. — Судя по всему, там что-то серьёзное.

Су И взял у него пустую чашу, отставил в сторону и кивнул:

— Иди, а мы с Сяо Цзаем останемся дома, как раз обед приготовлю. С утра в бочке осталась кефаль - как хочешь, тушёную в соевом соусе или на пару?

— На пару, — ответил Чжун Мин. — Жарко, лучше что-нибудь полегче.

Су И на миг задумался и сказал:

— Ладно, сделаю кефаль на пару, к ней суп с мясом белых моллюсков и водорослями, а ещё горькую тыкву в заправке.

При словах «горькая тыква» Чжун Хань начал кататься по настилу:

— Не хочу горькую тыкву! Не хочу!

Су И стал уговаривать:

— Сделаю так, что горькой не будет. Горькая тыква снимает жар, летом её нужно есть.

Чжун Хань надулся:

— Раньше вторая тётя тоже говорила, что не горькая, а всё равно была горькая!

Но что поделаешь, не ему решать, что есть дома, и горькая тыква всё равно будет. Увидев, что мальчишка и впрямь расстроился, Су И смягчился:

— Ладно, тогда вечером приготовим на пару батат.

Чжун Мин тут же глянул на младшего брата:

— Батат сладкий, теперь доволен? Видишь, как невестка о тебе заботится.

Чжун Хань хихикнул и, развернувшись, обнял Су И за руку.

Когда Чжун Мин ушёл, Су И принялся за обед. Сначала он ещё раз перебрал всё, что принесли с утреннего торга: разделочные доски и ножи в уездной лавке уже ополоснули колодезной водой, их можно было не мыть, а вот глиняные кувшины, в которых держали креветочный соус, он всегда доставал и ставил отдельно.

После этого он вместе с Чжун Ханем взялся разделывать кефаль, которую здесь называют ещё «чёрной рыбой». Осенью, помимо морского окуня, кефаль ловить проще всего: стоит насадить на крючок кусочек мяса мидии, и немного подождать, и вот уже рыба бьётся на леске. И та, что сегодня продавали, и эта, оставленная для дома, были пойманы накануне, когда Чжун Мин ходил на лов с мужем второй тётки. Всю ночь рыба провела в морской воде и к утреннему рынку была ещё живой.

Он вспорол рыбе брюхо, выбросил внутренности, а вот желудок, который у кефали зовётся особым именем «сухожилие чёрной рыбы», отложил отдельно. Это было самостоятельное блюдо: упругое, с хрустинкой, мелкие «сухожилия» лучше всего жарить, а крупные запекать, по вкусу они немного напоминали кальмара.

В запасе у них было три кефали, и, зная, что Чжун Мин ест много и один может осилить полторы, Су И решил в этот раз обойтись без отдельного гарнира: пусть на обед будет больше рыбы, тем более вместе с ним и Чжун Ханем на троих как раз. Он почистил все три, вынул желудки и отложил в сторону.

Чжун Хань тем временем сидел рядом, раскалывал створки белых моллюсков и пальцами вытаскивал мясо, потом опускал его в чистую пресную воду, прополаскивая. Он делал всё аккуратно и старательно.

Когда рыба уже стояла на пару, Су И дополнительно вымыл купленные в уезде длинные нежные стебли серебристой капусты* и горькую тыкву. У тыквы он нарочно деревянной ложкой выскоблил всю сердцевину, нарезал ломтиками и обдал кипятком, чтобы ушла лишняя горечь.

(ПП: это разновидность капусты (чаще всего китайская капуста или листовая горчица), у которой листья и прожилки при нарезке дают длинные тонкие белые «нити», похожие на серебристые волокна)

В доме у дяди, помнил он, Лю Юэ и Лю Юй тоже горькую тыкву не любили, и остатки почти всегда доставались ему. Су И, разумеется, никогда не перебирал: раз есть еда — уже хорошо, к тому же горькая тыква была свежим, купленным за деньги овощем. Лю Юй вечно ворчал, что она горькая, а ему вкус казался только свежим и прохладным, и вовсе не вызывал отвращения.

Он не знал, скоро ли придёт Чжун Мин, но предполагал, что вряд ли тот ушел надолго. У каждой семьи своих дел невпроворот, задерживаться никто не станет. Поэтому он всё же решил приготовить еду заранее, чтобы, когда тот вернётся, можно было сразу садиться за стол.

Чжун Мин вернулся спустя полчаса; Су И как раз на корточках у очага жарил рыбий желудок. На огонь поставили небольшую железную решетку - обычно на ней иногда пекли рыбу, а теперь она оказалась как раз впору для этой мелочи. Белый дым вился вверх, Су И пару раз взмахнул веером.

— Вернулся? — поднял он глаза. — Обед уже готов, ещё чуть-чуть осталось.

Он положил веер и поднялся, чтобы взять тарелку с пропаренной рыбой, но Чжун Мин опередил его и сам её унёс. Су И снова присел и перевернул желудки на другую сторону, чтобы не пригорели - хорошее ведь лакомство, жаль будет, если испортятся.

Желудочки были небольшие, прожарились быстро. Когда они дошли, он насадил их на одну палочку и, держа за конец, занёс в каюту.

— Как раз три, каждому по одному.

Чжун Мин принял у него палочку с нанизанными рыбьими желудками и положил её на край чашки.

— Надо же, сегодня прямо мечтал об этом вкусе, — сказал он, — и не ожидал, что ты как раз приготовишь.

У кефали ценят желудки, у сельди — молоки, у каракатицы — жирные кишки, у каждого вида своя особая вкусная часть. Такие вещи за пределами приморья редко увидишь; кто не разбирается, тот и вовсе выбросит.

Су И, засучив рукава, разлил по трём чашкам суп, и тихо улыбнулся:

— Кажется, у вас, мужчин, всё жареное в почёте, под выпивку идёт, но ведь трёх штук даже на одну тарелку мало.

— И я, и Сяо Цзай любим жареное, — ответил Чжун Мин, — можно долго грызть, как закуску, чтоб скоротать время.

— Тогда буду готовить почаще.

Су И радовался, что и Чжун Мин, и Чжун Хань с удовольствием едят приготовленное им.

За едой Чжун Мин рассказал, зачем его звали к третьему дяде. Оказалось, придя туда, он увидел не только вторую тётку, третьего и четвёртого дядьёв с семьями, но и двух двоюродных дядей. Как он и ожидал, стоило сегодня выйти новому распоряжению, семьи, которые прежде, едва услышав, что за получение прилавка нужно выложить пять лян серебра на «угощение» нужных людей, решительно отказывались, теперь уже переменили мнение, только всё ещё жалели эти пять лян.

Два-три ляна уже достаточно, чтобы сыну хватило на выкуп невесты, а при выдаче дочери — чтобы добавить к приданому украшение или сундук. А тут, кроме этой суммы, ещё и арендная плата, которая за год составит два ляна и четыре цзя, поневоле сердце сожмётся, и рука задрожит.

Третий дядя хотел, чтобы Чжун Мин помог узнать, нельзя ли сбить эти пять лян, но тот честно сказал, что этого сделать нельзя. Он прекрасно понимал, что Чжань Цзю всего лишь мелкая сошка на этом звене, а основная доля пяти лян до него просто не доходит. Эту цену не снизить - если дать меньше, те мелкие чиновники и писари, увидев, что за «подгон» едва ли хватит на пару цзиней приличного мяса да пару кувшинов вина, и пальцем не пошевелят в твою сторону.

Чжань Цзю и так не взял ни медяка, помогая ему выбить место для прилавка, отплачивая за спасённую жизнь. Чжун Мин не мог и впрямь прикрываться оказанной милостью, чтобы распространить выгоду на весь клан, это было бы чересчур бессовестно.

Старшие сидели с мрачными лицами. Раз уж они пришли, значит, деньги эти найти можно, просто жалко их отдавать. Чжун Мин понимал: остальные ведь не такие, как он. Он-то выйдет в море и вернётся с богатым уловом; у большинства же запасы в доме понемногу копят за счёт выхода в море с сетями. Да и детей у всех много, а значит, и подушной подати, и налога с хозяйства приходится платить больше. У каждой семьи своя трудная книга счетов.

В итоге он предложил такой выход: нескольким семьям скинуться и арендовать один прилавок на всех, выбрать одну семью в качестве формального хозяина, чтобы та подписала бумаги в городской управе, а в будни место использовать совместно.

— Много делить не получится, — сказал он, — но если прилавок разделят две семьи, это вполне можно обосновать.

А если эти семьи родные братья или сёстры, то у городской управы и вовсе не найдётся повода придраться.

Предложение одобрили, но окончательно на месте решить всё равно не смогли. Чжун Чунься, хоть и была из семьи Чжун, но, став женой в роду Тан, теперь с любой семьёй объединиться было бы неловко. Поэтому в конце концов они с мужем отправились обратно вместе с Чжун Мином.

— На самом деле, — сказал он Су И, — я хотел поговорить с тетей и дядей. Они ведь вместе растили и заботились о нас с Сяо Цзаем, отношения у нас с ними не хуже, чем с третьим дядей, а то и с родителями наравне. Это почтение я обязан выразить. Пусть их улов в дальнейшем продаётся с нашего прилавка. В обычные дни вторая тетя или кузина Ин-цзе смогут присматривать за местом, а если не захотят — будем мы с тобой. Дело-то пустяковое. Что ты думаешь?

Для Чжун Мина одно лишь то, что в прошлой жизни, перед самой ссылкой, только вторая тетя пришла навестить его, принесла дорожные деньги и ватное одеяло, уже было достаточной причиной, чтобы он сохранил их с дядей до конца их дней.

Су И слушал первые слова с явным интересом, и, когда Чжун Минь неожиданно спросил его мнение, тут же выпрямился:

— В этом деле решать тебе. Вторая тетя и дядя и правда к тебе и к Сяо Цзаю очень близки, да и ко мне относились хорошо. Что бы ты ни решил, я согласен.

Чжун Мин улыбнулся:

— Но как бы мы ни были с ними близки, ты и я — одна семья. Как я могу не спросить твоего мнения? Если ты считаешь, что это неуместно, я подумаю о другом способе.

Су И поспешно замотал головой:

— Нет, всё в порядке. Вторая тетя действительно очень хороший человек.

Затем он, чуть помедлив, добавил:

— Только вот... если об этом узнает третий дядя, он не начнёт думать лишнего?

Чжун Мин, заметив, что суп перед Су И закончился, взял чашку и подлил ему ещё, при этом

спокойно ответил:

— Хотя мы все одной крови, и можно говорить прямо, я всё же думаю: чем меньше поводов для разговоров, тем лучше. Если вторая тетя согласится, пусть они скажут третьему дяде, что просто помогли нам оплатить половину арендной платы, и всё.

Они вдвоём решили, что вечером пойдут на лодку семьи Тан, чтобы поговорить с Чжун Чунься и Тан Дацяном. Однако супруги отреагировали мгновенным отказом.

— Как же это так, чтоб мы пользовались добром от младших? Так дело не пойдёт. Я смотрю, ты, парнишка, крылья расправил, уже сам за меня с твоим дядей решения принимаешь, — Чжун Чунься нахмурилась, сделав вид, что сердится.

— Можешь даже не продолжать, — добавила она. — Мы с твоим дядей как раз только что всё обсудили и решили, что этот прилавок нужно арендовать. Серебро уже нашли, вот думали тебе отдать.

Чжун Мин посмотрел на стол. И в самом деле там лежал носовой платок, а внутри несколько ломаных серебряных слитков.

Он честно сказал тете и дяде:

— Того знакомого, к которому я в уезде обратился, вы ведь видели, — это тот самый парень по имени Чжань Цзю, что был у нас на свадьбе. Если уж начистоту, то пять лян — это цена для остальных. С меня он не взял ни медяка, только велел заплатить в городской управе арендную пошлину.

Но стоило произнести это, как Чжун Чунься только тяжело вздохнула.

— Я ведь раньше тебя об этом спрашивала, а ты всё отнекивался, — сказала Чжун Чунься. — А в конце концов эта удача ведь тебе досталась за то, что ты человеку жизнь спас. Такая хорошая вещь, почему ты сразу не сказал, а заставил нас всё это время тревожиться, думая, что ты в уезде чем-то сомнительным промышляешь?

Чжун Мин коснулся носа. На самом деле в прошлой жизни он в уезде редко вёл себя прилично: ел-пил за чужой счёт, дрался, буянил... Неудивительно, что «слава» о нём шла впереди него и люди Чжань Цзю, стоило им поспрашивать, быстро всё выяснили.

— Пустяк это, — отмахнулся он. — Наши, водяные, если увидят в море тонущего, разве не бросятся спасать? Нечего это по сто раз пересказывать.

Он замаял тему в пару фраз и снова вернул разговор к прилавку, упрямо уговаривая, так, что было ясно: пока тетя с дядей не согласятся, он отсюда не уйдёт.

Но Чжун Чунься упрямо мотнула головой:

— Мы с твоим дядей заботились о тебе и Сяо Цзае потому, что вы мои родные племянники, а не чужие люди. Мы ведь одна семья. Как же это теперь, пользуясь случаем, вроде как выгоду с тебя тянуть?

— Да какая ж тут выгода? — возразил Чжун Мин. — Ну, поставите пару вёдер да один таз, положите немного рыбы да креветок... Вот что: если тебе уж совсем неловко, давай ты мне за это будешь по одному цяню серебром в месяц арендную плату отдавать.

Один цянь в месяц в пересчёте даже дешевле, чем раньше платить рыночный сбор на рынке. В конце концов супруги не устояли перед Чжун Мином, согласившись на его уговоры. Однако уже на следующий день Чжун Чунься тайком от него сунула Су И серебряную шпильку из своей шкатулки для украшений — вещь стоимостью больше двух лян серебра. Перепуганный Су И показал подарок Чжун Мину:

— Я сказал, что не возьму, а вторая тетья всё равно дала и велела тебе не говорить.

Чжун Мин, сколько бы ни просчитывал всё наперёд, этот поворот упустил. Взяв шпильку в руки, он сразу узнал - именно её несколько лет назад подарил второй тете её муж. Помолчав, он сказал:

— Оставь. Когда Ин-цзе выйдет замуж, мы вместе с другими подарками отправим её в приданое как дар от брата с невесткой. Вот тогда вторая тетья точно не сможет отказаться.

Су И, которому до этого шпилька прямо-таки жгла руки, с облегчением кивнул:

— Вот ты догадливый, а я и не подумал.

После этого дела вскоре и третий, и четвёртый дяди, а также два двоюродных дяди наконец приняли решение: четыре семьи арендуют два прилавка, и вместе принесли Чжун Мину десять лян серебра. Чжун Мин отправился в уезд на встречу с Чжань Цзю, и как только серебро было подготовлено, на следующий день он уже уведомил людей идти в городское управление подписывать бумаги.

У входа на Южную улицу появилось ещё два прилавка с морепродуктами, на вид прямо как маленький рыбный рынок. Теперь о том, что у Чжун Мина есть свои связи, знали не только родственники рода Чжун: через день-другой к нему приходили разные люди разузнать. Всем он отвечал одно - цена пять лян серебра. Если семья принимала решение и приносила деньги, он вёл их в уезд к Чжань Цзю.

Пять лян всё же считались дороговато и служили своего рода порогом, отсекая многих. Чжань Цзю тем временем разузнал, что всего таких прилавков будет лишь двенадцать: шесть на

Южной улице и шесть на Северной, и больше не добавят.

Из уже сданных в аренду мест, кроме Чжун Мина, остальные держали цены на продукты примерно на уровне прилавков на рынке у пристани, для уездных жителей разница была лишь в том, пройти чуть дальше или ближе. Если раньше за морским уловом приходилось идти только к причалу, то теперь можно было отправиться и на Южную, и на Северную улицу, словно в посёлке появилось сразу два маленьких рыбных рынка. Некоторые же по-прежнему предпочитали ходить за покупками на пристань, считая, что там, у самого моря и лодок, улов как будто свежее.

На третий день после открытия Чжун Мин вернул цены к обычному уровню. Если раньше, в сравнении с торговлей обычной морской рыбой, он чаще предлагал крупный и особенно ценный улов, то теперь, вместе с соусным прилавком Су И, они заметно выделялись среди прочих. Но поскольку именно они начали торговать первыми, их репутация была прочнее всего, а дела шли лучше, чем у кого бы то ни было: морепродукты, которые семья второй тётки выставляла на их прилавок, чаще всего раскупались первыми.

В этот момент братья Лю Шуньфэн и Лю Шуньшуй слышали от других, что в уезде осталось всего три места, которые можно сдать в аренду водным жителям. Если и дальше тянуть, то желтые цветы уже остынут*.

(ПП: идиома, означает, что возможность упущена, и всё уже слишком поздно.)

Не в силах больше считаться с упорным отказом Лю Шуньшуй, Лю Шуньфэн буквально потащил его в уезд, накупили там гостинцев, и два брата, пересилив себя, поднялись на лодку семьи Чжун.

<http://bllate.org/book/13583/1205022>